

Т. К. Шафрановская, Б. Н. Комиссаров

**МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ ПОЛИНЕЗИИ
В ДНЕВНИКЕ Е. Е. ЛЕВЕНШТЕРНА**

Вклад участников первого русского кругосветного плавания (1803—1806 гг.) в мировую этнографическую науку широко известен. В трудах исследователей используются описания, статьи, записки, дневники, донесения, письма командиров «Надежды» и «Невы» И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, лейтенантов М. И. Ратманова и Ф. И. Ромберга, мичмана В. Н. Берха, натуралистов Г. И. Лангсдорфа и В.-Г. Тилезиуса фон Тиленау, коммиссионеров и приказчиков Российско-Американской компании Ф. И. Шемелина и Н. И. Коробицына, иеромонаха Гедеона, главы русского посольства в Японию камергера Н. П. Резанова, членов посольства надворного советника Ф. Фоссе и майора Е. Фридрици. Большой интерес представляют также рисунки Лангсдорфа, Тилезиуса и астронома И.-К. Горнера. Некоторые из упомянутых источников вошли в научный оборот еще в прошлом веке, другие — в 40—60-х годах нашего века, третьи — результат находок последних лет.

Комплекс источников, оставленных первыми русскими кругосветными мореплавателями, может быть пополнен еще одной незаслуженно забытой рукописью — дневником лейтенанта Германа Густава (Ермолая Ермолаевича) фон Левенштерна, служившего на «Надежде». Дневник составляет четыре тетради размером $19,3 \times 29,3$ см., в которых насчитывается 655 листов (с оборотом). Рукопись входит в состав личного фонда «Крузенштерны», хранящегося в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР (г. Тарту)¹. Левенштерн писал по-немецки и пользовался готическим письмом. Его почерк труден для чтения и весьма убогист. Неполная машинописная копия дневника составила 968 страниц².

Сведения о Е. Е. Левенштерне в литературе очень скупы. Основные источники информации о мореплавателе — его послужные списки³ и обширный дневник. Профессиональный моряк, офицер школы Крузенштерна, Левенштерн отдал русскому флоту около четверти века. Он родился в 1778 г. в Ревеле. Пятнадцати лет, в 1793 г., Левенштерн начал морскую службу, спустя три года был произведен в мичманы, плавал в Балтийском и Северном морях, побывал на Сицилии, в Неаполе, на о. Корфу, крейсировал у берегов Африки. В 1801 г. Левенштерн по болезни вышел в отставку, но в марте 1803 г. вернулся на службу и принял участие в первом русском кругосветном плавании. В мае 1804 г. он был произведен в лейтенанты. По возвращении в 1806 г. из плавания

¹ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 1—4.

² Государственный исторический музей Эстонской ССР (далее — ГИМЭ) в г. Таллине, ф. 225, оп. 1, д. 14, 20, 21, 24, 25.

³ «Общий морской список», ч. IV. СПб., 1890, с. 223—224; ГИМЭ, ф. 79, оп. 1, д. 1, л. 46—47 об.

Левенштерн стал капитан-лейтенантом, служил в Архангельске, затем на Черноморском флоте и вышел в отставку в январе 1816 г. в чине капитана второго ранга. Левенштерн был женат на дочери ландрата фон Эссена и имел трех сыновей и трех дочерей. Дата смерти мореплавателя пока не выяснена. Известно, что в 1828 г. он жил в Ревельском уезде Эстляндской губернии на своей мызе Расиик.

Дневник Левенштерна охватывает всю его службу, но большая часть рукописи посвящена кругосветному плаванию. Это, несомненно, наиболее подробный из всех известных ныне дневников участников путешествия на «Надежде» и «Неве». Левенштерн делал записи ежедневно, скрупулезно описывая все, что вызывало его интерес. «Я вел его только для себя», — замечал о своем дневнике мореплаватель⁴. Он был также превосходным рисовальщиком. На страницах дневника более 200 рисунков, выполненных акварелью и пером.

Небольшие отрывки из дневника Левенштерна периода его пребывания на Камчатке встречаются в статье исследователя биографии И. Ф. Крузенштерна Л. В. Илляшевича, опубликованной в 1877 г. «Дневник лейтенанта Левенштерна, написанный по-немецки, представляет громадный том, — отмечал этот автор, — Он хранится у старшей дочери покойного Левенштерна, живущей в Ревеле»⁵. В советской научной литературе дневник мореплавателя был впервые упомянут В. В. Невским⁶, который узнал о нем из статьи Илляшевича, но ошибочно адресовал читателя к работе другого дореволюционного исследователя биографии И. Ф. Крузенштерна А. С. Сгибнева⁷. В 1968 г. дневник Левенштерна был упомянут как источник по истории Бразилии, которую участники первого русского кругосветного плавания посетили в декабре 1803 — январе 1804 г.⁸ И все же рукопись Левенштерна продолжала оставаться почти неизвестной. В 1969 г. был опубликован путеводитель по Центральному государственному историческому архиву ЭССР, однако в описании фонда «Крузенштерны» не содержалось даже упоминания о ней⁹. В 1975 г. дневник был использован как источник при написании биографии Г. И. Лангсдорфа¹⁰, в 1977 г. источниковедческому исследованию были подвергнуты записи Левенштерна, сделанные в Бразилии¹¹.

Дневник Е. Е. Левенштерна содержит ценные историко-этнографические материалы о многих странах и районах мира, которые он посетил. Большой научный интерес представляют части дневника, посвященные Тихоокеанскому региону, особенно Полинезии и Японии. Полинезийские заметки, сделанные, в частности, на о. Нуку-Хива, содержат немало новых деталей и подробностей этнографического характера. Записи японского периода (октябрь 1804 — апрель 1805 г.) во многом уникальны. Они являются подробнейшим из не предназначавшихся для печати источников по истории посольства Н. П. Резанова в Японию. Ценность этих записей увеличивает и другое важное обстоятельство. Левенштерн вел дневник на борту «Надежды», стоявшей в Нагасаки. Среди спутников мореплавателя наиболее обстоятельные сведения о Японии опубликовал Г. И. Лангсдорф¹², но он с начала декабря 1805 г. вместе с по-

⁴ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 51.

⁵ Л. Илляшевич. Иван Федорович Крузенштерн. — Сборник морских статей и рассказов. Ежемесячное прибавление морской газеты „Яхта“. СПб., 1877, ноябрь, с. 454.

⁶ В. В. Невский. Первое путешествие россиян вокруг света. М., 1951, с. 152.

⁷ А. Сгибнев. Резанов и Крузенштерн. — Древняя и новая Россия, 1877, № 4.

⁸ «Научные связи Прибалтики в XVIII—XIX веках. Материалы VII Прибалтийской конференции по истории науки». Рига, 1968, с. 157.

⁹ «Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР. Путеводитель». Москва — Тарту, 1969, с. 260—261.

¹⁰ Б. Н. Комиссаров. Григорий Иванович Лангсдорф. 1774—1852. Л., 1975, с. 17—34.

¹¹ Б. Н. Комиссаров. Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века. Л., 1977, с. 6—19.

¹² G. H. Langsdorff. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807, Bd I. Frankfurt am Main, 1812, S. 197—299.

сольством Резанова находился в специальной резиденции, в селении Мегасаки. Таким образом, оригинальность наблюдений Левенштерна, сопоставимых по объему и значимости лишь со свидетельствами Лангсдорфа, определяется самим местом ведения дневника. Данная статья посвящена полинезийским записям Левенштерна. Обширная японская часть дневника требует специального исследования.

Процесс колонизации и исследования многочисленных островных территорий Полинезии шел неравномерно. Так, Гавайские острова, открытые в 1778 г. Дж. Куком, к началу XIX в. были вовлечены в орбиту мирового хозяйства, стали объектом экспансии английских и особенно североамериканских торговцев, эксплуатировавших и грабивших их население. Между тем многие архипелаги в начале прошлого века были почти не изучены. К их числу относились и Маркизские острова, хотя часть их была открыта еще в 1595 г. испанцем А. Менданьей де Нейрой. Тогда стали известны острова Фату-Хива, Мотане, Хива-оа, Тахуата. Почти два столетия спустя, в апреле 1791 г., американец Д. Ингреэм открыл северную группу Маркизских островов — Уа-Пу, Уа-Хука, Нуку-Хива, Моту-Оа, Эиао и Хатуту. В июне того же года эти острова посетил француз Э. Маршан.

Среди важнейших источников по этнографии Маркизских островов XVI—XVIII вв. следует назвать описания главного кормчего экспедиции Менданьи П. Ф. де Кироза, Дж. Кука, Г. Форстера, Р. Форстера, Э. Маршана, а также Дж. Уилсона, побывавшего на архипелаге в 1797 г. Из источников о населении Маркизских островов, относящихся к началу XIX в., важнейшими признаются материалы первой русской кругосветной экспедиции¹³. Ее корабли посетили остров Нуку-Хива в 1804 г. «Надежда» подошла к нему 7 мая, «Нева» — спустя три дня. 17 мая корабли пошли к Гавайским островам. 8 июня они достигли юго-восточного побережья острова Гавайи, несколько дней дрейфовали близ него, а затем разошлись. «Нева» 11 июня стала на якорь в бухте Кеалакекуа на западном побережье острова, 19—20 июня находилась у о. Кауаи, а оттуда отправилась в Новоархангельск. «Надежда» 12 июня взяла курс на Камчатку.

До посещения Нуку-Хивы Левенштерн знал о Маркизских островах немного. В его дневнике есть упоминание лишь о книге Дж. Уилсона, содержащей описание этого архипелага¹⁴. Сведения о населении Нуку-Хивы мореплаватель, как и ряд его спутников, собрал благодаря личным наблюдениям и общению с двумя поселившимися на острове европейцами — англичанином Эдуардом Робертсом и французом Жаном Батистом Кабри. «Мы были немало удивлены, когда увидели среди дикарей голого татуированного англичанина, — писал Левенштерн в день прибытия. — Он живет на этом острове уже семь лет. Первым делом он взялся быть у нас лоцманом. Он был стюардом на одном английском корабле, где матросы подняли бунт. Они хотели его убить, но он проявил осторожность и решил остаться среди дикарей»¹⁵. «Француз — совершеннейший дикарь, — шуточно замечал мореплаватель о Кабри, — только его отвратительный характер и немногие французские площадные песни, которые он помнит, показывают, что он, вероятно, все же является французом»¹⁶.

Следует отметить, что времени для наблюдений в глубине острова у Левенштерна было меньше, чем у лиц, не входивших в экипаж корабля, — Лангсдорфа, Тилезиуса, Резанова, Шемелина. Служба требовала непрерывной и нелегкой работы. «На обратном пути некоторые высказали

¹³ Я. М. Свет. История открытия и исследования Австралии и Океании. М., 1966, с. 209—213.

¹⁴ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 77 об.: J. Wilson. A Missionary Voyage to the Southern Pacific Ocean, performed in the years 1796, 97, 98 in the ship Duff. London, 1799.

¹⁵ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 77.

¹⁶ Там же, л. 90.

желание пройти пешком,— писал Левенштерн после одной из поездок на берег.— Лисянский был против, но Тилезиус и Лангсдорф решились пойти пешком. Я с удовольствием пошел бы с ними, но так как я был при баркасе, то и возвращаться должен был с баркасом»¹⁷. В другом месте читаем: «У меня было мало времени, поэтому мой список [слов языка островитян — Т. Ш., Б. К.] короток. Зато другие господа собрали больше слов»¹⁸.

Однако именно эта занятость помогла мореплавателю сделать много ценных наблюдений. Заготовка воды и дров близ побережья постоянно сталкивала Левенштерна с островитянами. Он познакомился с местным вождем (в дневнике — королем) по имени Катенуа, его братом Таматаи, сыном Омаи, «верховным жрецом» Доватиа, «возжигателем огня при вожде» Мухау. «Каждый день у нас работа на берегу. Сегодня в мои обязанности входило наполнение бочек водой и рубка дров, поэтому я смог отдохнуть только после захода солнца,— писал Левенштерн 9 мая.— Утром я поспешил на берег, чтобы начать работу до того, как соберутся дикари, но не прошло и часа, как я был ими окружен. У некоторых из них были пращи, копья, дубины... Дикари, помогавшие нам набирать воду, делали это так усердно и проворно, что были просто неоценимы. Прибыл был столь силен, что подвести баркас близко к берегу оказалось невозможным. Поэтому мы наполняли маленькие бочки и предоставляли дикарям доставлять их на баркас. Мы не могли пронести бочки через полосу прибоя с такой же ловкостью, как они. По окончании работы я с шестью вооруженными матросами сел в баркас. Тут поднялся страшный шум. Каждый в награду за работу должен был получить кусок старого железа, но норовил схватить по два куска. Их королевское величество удостоило меня своим посещением,— продолжал мореплаватель.— Его брат и родственники не считали для себя унизительным помогать набирать воду. Они также помогали сплавлять на баркас срубленные стволы. Я выменял некоторые украшения и мелочи. Народ добродушен и услужлив. Только какой-то малый подошел к одному из моих людей (тщедушному матросу) и сделал вид, что хочет ударить его кулаком. При рубке дров они были гораздо почтительнее, так как сильные удары наших топоров вызывали у них удивление. Один малый взвалил на плечо бревно и сделал вид, что хочет уронить его на одного из наших людей. Матрос тут же поскользнулся и упал. Эта сцена вызвала общий смех дикарей. Я взял топор и сделал вид, что хочу разрубить бревно... на плече [островитянина.— Т. Ш., Б. К.]. Теперь смех относился уже к дикарю и не стихал, пока он нес тяжесть до баркаса. Самым трудным всегда было делить между ними нарубленные из старого обруча куски железа, служившие поденной платой. Все дикари толпились вокруг баркаса, хватались за него, пытались его удержать, так что мне пришлось хлопать их по пальцам. И все это для того, чтобы в неразберихе получить не один, а два куска железа»¹⁹.

Иногда Левенштерну удавалось успокоить неугомонных островитян, только напугав их. «Сегодня, когда наполняли водой бочки, я распорядился, чтобы на баркасе выстрелили из фальконета и тем самым покончили с назойливостью дикарей,— записал он 13 мая.— При выстреле вся толпа упала на колени от страха. Они поднялись, когда я указал на особенно надоедливых, засмеялись и побежали за виновниками, мчавшимися со скоростью стрелы. Они очень почитают *puhi*»²⁰.

Левенштерн не только непосредственно и подробно, как никто из его спутников, описал участие островитян в корабельных работах, но и пери-

¹⁷ Там же, л. 87 об.

¹⁸ Там же, л. 92.

¹⁹ Там же, л. 79—79 об.

²⁰ В наиболее полном словаре языка жителей Нуку-Хивы, составленном Г. И. Лангсдорфом, это слово транскрибировано: *pu* — ружье (Г. И. Langsdorff. Указ. раб., с. 154).

петии обменной торговли, само понятие которой, по замечанию мореплавателя, «здесь только зарождалось»²¹. «После обеда Катенуа (король) привез капитану пудинг из плодов хлебного дерева и кокосовых орехов,— писал он 10 мая.— Нам это кушанье понравилось, несмотря на предубеждение. Его королевское высочество было очень раздосадовано Робертом (так зовут англичанина) [имеется в виду Робертс, служивший переводчиком.— *Т. Ш., Б. К.*], потому что хотело иметь ножницы, но не получило их. Мы все время требуем свиней, дикари их не доставляют, а ножницы король хотел получить за свой пудинг... Дикари совсем не хотят брать куски железа,— писал на следующий день Левенштерн,— так как за украшения из раковин и т. д. они получили ножи, ножницы и т. д. [их дал островитянам Резанов, стремясь пополнить этнографические коллекции.— *Т. Ш., Б. К.*]. Вообще они спрашивают tohi (топор)²², но топоры они получают только за свиней, поэтому наша торговля почти прекратилась»²³.

12 мая обмен с островитянами едва не привел к трагическим последствиям. Мореплаватель так описал этот эпизод: «Мы наполнили водой бочки. Кажется, нам придется отправляться в дальнейшее путешествие без свиней и с незначительным запасом кокосовых орехов и плодов хлебного дерева. Сегодня Катенуа прибыл на корабль с куском материи и свиньей. Крузенштерн в это время обедал и попросил короля через француза немного подождать. Но ожидание показалось тому слишком долгим. Дикари же, находившиеся в каноэ, потеряли всякое терпение и поплыли назад. Я доложил об этом капитану, который тут же вышел на палубу. Король, все еще находившийся на корабле, послал дикаря вернуть каноэ. Однако дикари из каноэ не послушались, и король отправился на берег в нашей лодке. Мы не ожидали никаких неприятностей. Между тем люди, прибывшие в каноэ на берег без короля, и малый, который должен был их вернуть, распространили слух, что Катенуа остался на корабле и его арестовали.

Народ сразу же схватился за оружие. Дикари с пращами, дубинами и копьями в руках подпрыгивали и ударяли один о другой камни, которые тоже держали в руках. Это был боевой сигнал. Баркас с „Невы“ находился у берега: наполняли водой бочки. На баркасе были один офицер и не больше шести матросов. Дикари хотели убить англичанина Роберта, бывшего тут же. Офицер с „Невы“ пришел в сильное замешательство. К счастью, прибыл король, и его присутствие снова восстановило покой. Возбуждение было все же слишком сильным и сразу улегся не могло. Баркас должен был вернуться. Случившееся свидетельствовало, что с этими детьми природы следует обращаться очень осторожно. Мы подозреваем, что причина этого происшествия — ненависть между французом и англичанином»²⁴. «Причиной вчерашнего шума был француз», — записал Левенштерн 13 мая²⁵.

Иногда при обмене случались и курьезы. «Приплыл дикарь,— читаем мы в дневнике.— На шее у него в виде украшения было привязано что-то белое. Мориц [Коцебу.— *Т. Ш., Б. К.*] принял это за зуб и дал за него дикарю иглу для сшивания мешков. Как только торг был закончен, дикарь разразился громким смехом и не без причины. Мориц купил очищенный банан, который дикарь нацепил на шею, чтобы обмануть. Вволю нахотавшись, дикарь снова подплыл к кораблю. Он был настолько честен, что вернул иглу, но ее ему подарили»²⁶.

²¹ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 85 об.

²² В словаре Г. И. Лангсдорфа — toki. *G. H. Langsdorff*. Указ. раб., с. 154.

²³ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 83—83 об.

²⁴ Там же, л. 83 об., 85.

²⁵ Там же, л. 85.

²⁶ Там же, л. 83 об.

Островитяне нередко посещали «Надежду» и без особых причин, из любопытства. «На ночь у нас на корабле остался Мухау,— писал Левенштерн 9 мая.— Мы покормили его. Поведение этого человека было так естественно и наивно, что мы скорее могли удивляться, чем смеяться над ним. Все наши кушания он ел, пользуясь ножом и вилкой, чему научился от нас, но когда очередь дошла до кокосового ореха, не знал, как ему быть. Только мы дали ему понять, что он может очистить орех своим способом, он тут же кулаком разбил его, сорвал зубами волокна, согнутым указательным пальцем пробил в орехе круглую дырку, выпил сок и разломал орех, держа руки между колен. Все это было проделано в одно мгновение»²⁷. Русские мореплаватели часто приходили на помощь островитянам. «Дикарям особенно нравится наш кузнечный горн,— рассказывает автор дневника.— Кузнец²⁸ всегда что-нибудь для них делает. Король может часами смотреть на эту работу, особенно если принес для починки старый топор»²⁹.

Физическое совершенство островитян поразило Левенштерна. «Каждого дикаря можно сравнить с Аполлоном Бельведерским»,— писал он³⁰. Это замечание оказалось удивительно точным. Лангсдорф произвел антропологическое измерение Мухау, а Тилезиус по возвращении передал эти данные выдающемуся естествоиспытателю и антропологу, геттингенскому профессору И. Блуменбаху, который установил, что результаты измерений нукухивца и Аполлона Бельведерского во многом совпадали³¹. «Дикари мастерски лазают,— писал Левенштерн.— У них сильные, развитые ноги. Так как они всегда ходят босиком, пальцы ног подвижны. Благодаря этому они пользуются ногами, как руками. На высокие кокосовые пальмы они забираются так, словно поднимаются по лестницам. Иногда, чтобы побудить их подняться на борт, мы бросали веревку. Они хватались за нее рукой и ногой и в одно мгновение оказывались на корабле, как будто им спустили лестницу. Мухау битый час висел у борта корабля, держась рукой и пальцами ноги за веревку. При этом он помогал нам торговать, платил, принимал кокосовые орехи и плоды хлебного дерева»³².

«Дикари прекрасно плавают,— отмечал мореплаватель.— Одному из них, находившемуся в воде, я бросил кусок железа, но промахнулся. Дикарь мгновенно нырнул и, тут же появившись на поверхности, показал, что в руках у него ничего нет. Я кинул ему второй кусок, тогда он поднял из воды ногу и оказалось, что первый кусок он все же поймал и держит между пальцами ноги»³³.

В дневнике Левенштерна мы находим сведения о пище, жилищах, лодках, утвари, оружии, украшениях, свадебных обрядах, татуировке островитян, но они менее подробны, чем у авторов других дошедших до нас источников, например у Лангсдорфа, Крузенштерна, Лисянского. Эти сведения могут служить для проверки и уточнения уже известных деталей, касающихся быта и материальной культуры нукухивцев. Записи же, посвященные общественному устройству и религиозным представлениям жителей острова, представляют самостоятельный интерес.

Обращаясь к понятию «табу», Левенштерн отмечал, что различалось табу частное и как бы общественное. Частное табу мог накладывать каждый обладавший собственностью, общественное — только жрецы. Последние, по наблюдениям мореплавателя, выделялись среди островитян не только украшениями из перьев, но и дерзкой манерой поведения.

²⁷ Там же, л. 83.

²⁸ Имеется в виду корабельный кузнец и слесарь Михаил Звягин.

²⁹ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 90.

³⁰ Там же, л. 77.

³¹ G. H. Langsdorff. Указ. раб., с. 92—93.

³² ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 94.

³³ Там же, л. 96.

При помощи табу регулировались отношения между жителями Нуку-Хивы. На табу покоилась система общественных отличий и рангов. Островитяне верили в то, что не соблюдающий табу должен умереть. Нарушитель частного табу рисковал быть убитым на месте. Считалось также, что дух того места, где было нарушено табу, защищая свои права, найдет на нарушителя болезни. Умышленно нарушивший общественное табу мог быть убит, изгнан или отдан в рабство. Стать «человеком табу» чужеземец мог только в том случае, если долго и неистово прыгал, выкрикивая имя местного вождя. Считалось, что после этого дух вождя нисходит на такого человека и защищает его. Робертс и Кабри, опасаясь быть убитыми, стали «людьми табу» для обитателей разных частей острова, хотя, как видно из приведенных выше записей, временами их положение бывало далеко не безопасным. Табу можно было наложить и на войны между племенами. Левенштерн писал, что после женитьбы старшего сына Катенуа на дочери вождя соседнего племени военные столкновения между этими племенами, несмотря на воинственность островитян, были запрещены. Обычаем табу пользовались и русские мореплаватели. Чтобы к вечеру нукухивцы покинули «Надежду», они ставили корабль под защиту табу, объявляя об этом пушечным выстрелом.

Вожди и их родственники были предметом культа. Так, дочь Катенуа считалась божеством, а после ее смерти дух ее должен был, по представлениям нукухивцев, стать хранителем острова. Духом-хранителем дома считался его умерший обитатель. Левенштерн подметил, что во время еды нукухивец каждый раз выбрасывал часть пищи, приговаривая: «И тебе что-то, мой дух-хранитель». Островитяне верили, что душа находится в желудке.

Писал Левенштерн и о бытовавшем среди нукухивцев каннибализме. «Из-за засухи или войны здесь часто бывает голод. Тогда они пожирают друг друга... Женщин и детей пожирают первыми», — читаем мы в дневнике³⁴. «То, что островитяне едят мясо своих врагов — истинная правда, — отмечал мореплаватель. — Череп и волосы они хранят как трофеи. Мы купили много таких черепов»³⁵.

Записи, касающиеся Нуку-Хивы, Левенштерн делал и в период плаванья «Надежды» к Гавайским островам. Может быть, это произошло из-за Кабри, случайного ставшего спутником мореплавателей. «Француз очень поздно приплыл на корабль, а сегодня рано утром пропустил время, когда можно было вернуться на берег вплавь, — писал Левенштерн 18 мая. — Теперь, хочет он того или нет, он должен плыть с нами. Дать ему лодку было уже нельзя, мы находились далеко от берега. Мы предложили ему доску, но он не отважился пуститься на ней в плавание, потому что боялся акул, которые могли проглотить его по дороге. Итак, он остался у нас»³⁶.

Сведения по этнографии Гавайских островов, содержащиеся в материалах участников первого русского кругосветного плаванья, весьма ценны и разнообразны. Особое значение имеют данные, собранные Лисянским, Коробицыным, иеромонахом Гедеоном и Берхом, путешествовавшими на «Неве»³⁷. Однако отдельные интересные наблюдения сумели

³⁴ Там же, л. 90 об.

³⁵ Там же, л. 97.

³⁶ Там же, л. 94. Интересна дальнейшая судьба Кабри. Он был оставлен на Камчатке, сухим путем добрался до Петербурга, танцевал на сцене петербургских и московских театров, преподавал плавание в Морском кадетском корпусе. В начале 10-х годов прошлого века он жил в Кронштадте. «Его слушаешь, как барона Мюнхаузена», — писал о Кабри Г. И. Лангсдорф, встречавший его в Петербурге и поместивший в приложении к описанию своего путешествия гравированный портрет этого француза, выполненный художником А. П. Орловским. См. «Kupfer zu G. H. Langsdorff's Bemerkungen», Bd I. Frankfurt am Main, 1812, № VI.

³⁷ Д. Д. Тумаркин. Материалы первой русской кругосветной экспедиции как источник по истории и этнографии Гавайских островов. — «Сов. этнография», 1978, № 5, с. 68—84.

сделать и мореплаватели с «Надежды». Записи Левенштерна дополняют известные материалы о гавайцах. «Я взял дикарей с Нуку-Хивы как мерило для сравнения с обитателями Сандвичевых [Гавайских.— *Т. Ш., Б. К.*] островов»,— писал он³⁸. Это сопоставление было явно не в пользу последних. Процесс колонизации Гавайев шел полным ходом. На острова были занесены болезни, губительно сказывавшиеся на здоровье их коренных жителей. Левенштерн подметил и характерные изменения в быте и нравах гавайцев, связанные с усилившейся экспансией колонизаторов. Вот отрывки из записей мореплавателя, сделанных 8, 9 и 11 июня: «Подшло 10 лодок. Нам привезли поросенка, полдюжины кокосовых орехов и разные мелочи. Кожа у здешних людей мерзостного цвета, телосложение тщедушное, все они грубы и почти у каждого не хватает двух передних зубов. У многих были открытые раны. Джону (*Ж. Б. Кабри.— Т. Ш., Б. К.*) все это так не понравилось, что он не захотел здесь оставаться и решил плыть с нами дальше. Изделия этих островитян лучше, чем дикарей с Нуку-Хивы. Веревки, привезенные ими, были лучше, чем наши лаглины³⁹... Материя прочнее и более пестро окрашена, чем на Нуку-Хиве. Дикари привезли также красивую девушку, которую предлагали кушать. Она была несравнима с жительницами Маркизских островов... Все здешние дикари могут сказать несколько слов по-английски»,— записал Левенштерн на следующий день.— С большой свиньей была доставлена девушка, которая спросила нас, как мы живем (*How do you do?*) и еще нечто подобное... Жители Сандвичевых островов тоже покрыты татуировкой, но ее узоры расположены неравномерно. В татуировке большей частью встречаются фигуры животных, таких, как ящерицы, козы, рыбы и т. д.»⁴⁰.

Дневниковые записи Левенштерна, по своему обыкновению, иллюстрировал собственными рисунками, являющимися оригинальным и ценным этнографическим источником. На рисунках изображены ландшафты Нуку-Хивы, жители острова за разными занятиями, их жилища и украшения, есть также чертеж лодки. Из этих рисунков девять — акварели, три выполнены пером⁴¹. Левенштерн выполнил акварелью и рисунок лодки гавайцев⁴².

Изучение полинезийских записей Е. Е. Левенштерна и сопоставление их с уже известными материалами его спутников со всей очевидностью показывают ценность дневника мореплавателя для исследования этнографии этого района мира. Дневник Е. Е. Левенштерна, несомненно, достоин публикации и не только в части, касающейся Полинезии.

³⁸ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 99.

³⁹ Лаглинь — тонкий пеньковый трос, предназначенный для буксировки лага — инструмента, с помощью которого определяли скорость судна.

⁴⁰ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 3, л. 99—100.

⁴¹ Там же, л. 76, 78, 80—82, 84, 86, 88, 89, 91, 93, 95.

⁴² Там же, л. 98.